

На этом последнем допросе Колчак, очень нервничая, все-таки проявил большую осторожность в показаниях; он остерегался и малейшей возможности дать материал для обвинения отдельных лиц, которые уже попали или могли еще попасть в руки восстановленной Советской власти, и — малейшей возможности обнаружить, что его власть, направленная на борьбу с ищадием ада — большевиками, дышадими только насилеи и произволом, сама могла действовать вне всякого закона, боялся, как бы его допрос не помог сдернуть с этой власти покров, которым он старался ее прикрыть в течение всех своих показаний, — покров неуклонного стремления к законности и порядку.

В. И. Ленин в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства говорил: «Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит».

Комиссия, выясняя некоторые яркие факты из области насиллий, производившихся Колчаком и колчаковской военщиной, несомненно, до некоторой степени, впала в тон такого «довольно неумного порицания Колчака». Но слишком живо чувствовались тогда в Сибири это насильничание и преследования, чтобы можно было говорить о них с Колчаком, сохраняя то отношение к нему, которое рекомендует нам В. И. Ленин. Важна, однако, не эта черта допросов, а важно то отношение, которое проявляет сам носитель военной, типично-фашистской контр-революционной диктатуры к актам насильничания. Если комиссия была склонна и «довольно неумно порицать за них Колчака», то сам Колчак все время обнаруживает стремление либо замазать эти акты, либо свалить их на бесчинства отдельных лиц и групп вопреки воле диктатора и его правительства, либо найти им законное оправдание. Совершенно откровенно, рисуя себя безоговорочным сторонником и проводником идеи противопоставления белогвардейской военной диктатуры диктатуре большевиков, он не хочет, не имеет мужества принять на себя всю ответственность за все последствия этой диктатуры, за те сповобы ее осуществления, которые были для нее и неизбежны, и единственно возможны.

Белогвардейская военная диктатура (это отчетливо видно из показаний Колчака) из диктатуры централизованной превратилась в диктатуру отдельных генералов и казачьих атаманов, из насилдия.

твердо руководимого из единого центра, — в насильничание над Сибирью отдельных шаек, ускользнувших от подчинения «верховному правителю» и его правительству. Но она все-таки была единой диктатурой, сверху донизу, строящейся по одному и тому же образцу, действующей одними и теми же методами. И разница между верхом и низами этой диктатуры была только одна: верх стремился стыдливо прикрыть в глазах своих руководителей—империалистических держав Антанты—то, что совершенно свободно, открыто, без всякого намека на стыдливость, развертывали в своей «работе» низы с их контр-разведками и караульными огрядами, с их Волковыми, Красильниковыми и Анненковыми.

Эта разница сказалась в показаниях Колчака. Он давал их не столько для допрашивавшей его власти, сколько для буржуазного мира. Он знал, что его ожидает. Ему не было нужды что-либо скрывать для своего спасения. Спасения он не ждал, ждать не мог и не делал ради него попытки хвататься за какие бы то ни было соломинки. Но ему нужно было перед лицом буржуазного мира показать себя действовавшим против врагов этого мира, против пролетарской революции, твердо, решительно, но в то же время в рамках буржуазной легальности. Он плохо знал тот буржуазный мир, на защиту которого был выдвинут англо-французскими империалистами. Он не знал, что та диктатура, которую он возглавлял в Сибири и которую так неудачливо стремился распространить на всю страну, — образец и подобие западно-европейского фашизма, диктатуры фашистской, выдвигаемой самим буржуазным миром, перед которым он хочет показать себя носителем законности и порядка, сам «довольно неумно порицая» Семеновых, Калмыковых и проч., и проч. за то, что они без всякой законности и без всякого порядка насильничали над рабочими, расстреливали, пороли и т. д.

Та же неумная стыдливость перед буржуазным миром заставляет Колчака скромничать и в другом отношении: он никак, даже в отношении далекого прошлого, не хочет признать себя монархистом. И свой монархизм, монархические цели всей своей борьбы с большевизмом он прикрывает флером устремлений демократических, — опять ради буржуазного мира и благодаря плохому пониманию этого мира.

Если исключить эти характерные черты показаний Колчака и помнить уже отмеченную нами боязнь его дать материал для обвинения своих соратников, помощников и слуг, то следует

признать, что показания Колчака, в общем и целом, в достаточной мере откровенны.

Как держался он на допросах? Держался, как военно-пленный командир проигравшей кампании армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством. Этим он резко отличался от большинства своих министров, с которыми мне пришлось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства. Там была, за редким исключением, трусость, желание представить себя невольными участниками кем-то другими затеянной грязной истории, даже изобразить себя чуть не борцами против этих других, превращение из вчерашних властителей в сегодняшних холопов перед победившим врагом. Ничего этого в поведении Колчака не было.

Но в одном он близко подходит к своим гражданским соратникам, разделявшим с ним пребывание в одиночном корпусе иркутской тюрьмы. Все они, как на подбор, были совершеннейшими политическими ничтожествами. Ничтожеством в политическом отношении был и их глава — Колчак. Его показания обнаруживают и это с достаточною ясностью. Он — политически безличная фигура. Он — простая игрушка в руках держав Антанты. У него, с его голой идеей военной диктатуры и скрытой мыслью восстановления монархии, нет никакой политики, кроме той, которая диктуется ему противоречивыми влияниями и этих держав, и окружающих его групп и группочек военщины и торгово-промышленных кругов, с их сомнительного качества политическими руководителями. В этих противоречивых влияниях он безнадежно путается и запутывается тем больше, чем сильнее становится напор наступающей Красной армии, пока, наконец, не предается своими же вчерашними союзниками — чехо-словаками, конечно, с ведома тех же держав Антанты, поставивших его во главе контр-революции.

Ограничиваюсь этими краткими замечаниями.

Как бы ни расценивать постановку допроса Колчака и его показания, опубликование их, несомненно, даст не мало ценного для всякого, желающего изучить историю контр-революции, и уж, конечно, для всякого историка ее.

*К. Попов.*

## ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуемые Центрархивом протоколы заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии по делу Колчака воспроизводятся по стенографической записи, заверенной заместителем председателя Следственной Комиссии, К. А. Поповым, и хранящейся в Архиве Октябрьской Революции (Фонд LXXV, арх. № 51). Некоторые места стенограммы и отдельные слова, не поддававшиеся прочтению, в подлиннике пропущены и на их месте поставлены многоточия. Таких пропусков немного, и они не имеют сколько-нибудь существенного значения. Протоколы воспроизводятся нами со всеми особенностями подлинника, и только некоторые грамматические неточности, мешавшие пониманию смысла излагаемого, нами исправлены.

В печати до сих пор появлялись лишь очень неполные отрывки из показаний Колчака, — полного же и выверенного по стенограмме текста напечатано не было. Опубликованный в № 10 «Архива Русской Революции», издаваемого Гессеном в Берлине, текст допроса Колчака носит на себе следы крайне небрежного обращения с историческим документом. Сверка опубликовавшего текста показаний в «Архиве Русской Революции» с хранящимся в Арх. Окт. Революции оригиналом дешифровки, убеждает нас в том, что редакция «Архива Русской Революции» имела в своих руках небрежно перепечатанную копию допроса. Опубликованный текст пестрит бесчисленным количеством грубейших ошибок и опечаток, извращающих смысл показаний Колчака.

Многие из этих ошибок можно отнести за счет невнимательности лиц, переписывавших протоколы допроса. То и дело встречаются то пропуски, то грубейшие извращения имен и фамилий; так, например: мыс Дежнев неоднократно именуется Лежневым; в одном месте пропущена фамилия генерала Ан-

ского, игравшего видную роль; вместо Железнякова фигурирует Орлов (стр. 187); остров «Котельный» везде переименован в «Котельников»; Василенко переделан в Васильева; В. Чернов в одном месте превращен в Чернышева и пр.

Кроме таких ошибок и опечаток, имеются явные извращения текста в целом ряде важных мест. Приведем несколько примеров: так, на стр. 186 напечатано: «принять должность во второй магнитовой экспедиции» — следует читать: «принять должность второго магнитолога экспедиции»; на стр. 94 напечатано: «Воеводский, предшественник Дикова», следует: «Воеводский. Предшественник его Диков относился к этому довольно безразлично и не противодействовал этой работе». Тут, кроме извращения, имеется пропуск. На стр. 295 напечатана следующая фраза Колчака, обращенная к участнику переворота Лебедеву: «Вы должны мне сообщить фамилии тех лиц, которые в этом участвовали.....», тогда как в тексте следовало: «Вы не должны мне сообщать фамилии» и т. д. Правильность именно этой фразы с отрицанием *не* подтверждается дальнейшим контекстом. В одном месте, на стр. 228, извращение текста вызвало даже удивление самой редакции, сопроводившей фразу вопросительным и восклицательным знаком. Вот эта фраза: «по поводу каких-то кож, которые там должны быть сдаваемы для прокормления (!) Черноморского флота». В сверенном тексте следует: «по поводу каких-то кож, которые там должны быть сдаваемы для того, чтобы эти кожи выделялись. Это кожи со скота, который убивался для прокормления Черноморского флота». На стр. 223 каким-то образом Колчак подставляет на место генерала Маниковского себя...

Отметим еще часто встречающиеся пропуски, — их так много, в крупных и малых размерах, что перечислить все нет никакой возможности, приведем лишь несколько примеров.

На стр. 242 пропущен диалог: «Алексеевский. Если бы правительство дало приказ о вашем возвращении, вы вернулись бы? (Речь идет об отношении Колчака к приказу правительства Керенского вернуться к командованию Черноморским флотом после известных событий там.) Колчак. Несомненно».

На стр. 319 пропущены слова: «Попов. — Я говорю, — в контр-разведке при ставке. Возвращаюсь к вопросу о производстве военно-полевого суда в Куломзине».

В сообщении о требовании чехов по поводу состава правительства пропущено: «Михайлова и еще нескольких лиц, а точно не помню кого, и что они настаивают, чтобы эти лица не были

включены в состав Сибирского правительства. Для меня, как для человека нового, вопрос о кандидатуре Михайлова или кого-либо другого стоял совершенно открытым».

Выпущена очень важная деталь в поведении Болдырева перед колчаковским переворотом: «Этот вопрос его чрезвычайно тревожил, и поэтому он выехал, не дожидаясь моего прибытия».

Многочисленные пропуски, извращения текста, замены фраз и прочее совершенно обедняют напечатанный текст. Попытки редакции корректировать в отдельных случаях явные бессмыслицы путем вставок предполагаемых слов, заключая их в скобки, не только не улучшили положения, а внесли еще большую путаницу. Вот яркий пример: в том месте, где речь идет о мобилизации в пятиверстной полосе железной дороги, машинистка сделала опечатку «5 вер(с)т»; редакция же «Архива Русской Революции» расшифровала это так: «5 возрастов». И таких случаев не мало. Напечатанный в «Архиве Русской Революции» текст не снабжен никакими примечаниями.

Таким образом, публикуемый нами текст показаний является единственно точным и достоверным воспроизведением подлинных протоколов допроса Колчака.

**ПРОТОКОЛЫ**  
**СЕДАНИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ**  
**КОМИССИИ ПО ДЕЛУ КОЛЧАКА**  
**(СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ)**



---

## ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

21-го января 1920 г.

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Попов. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она — моя давнишняя хорошая знакомая; она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам — больным и раненым.

Она оставалась в Омске до последних дней, и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезд. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Попов. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать этого?

Колчак. Нет.

Алексеевский. Скажите нам фамилию вашей жены.

Колчак. Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена—уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным следователем или членом каменец-подольского суда. Он умер давно; я его не видал и не знал. Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя—Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем служил в артиллерии и в Горном Институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра—Екатерина; была еще одна маленькая сестра—Любовь, но она умерла еще в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России; где она находится в настоящее время, я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым